

А.И. Кобзев

ИВ РАН

Новое о старых переводах Ван Ян-мина*

В недавно опубликованной статье об изучении Ван Ян-мина (Ван Шоу-жэня, 1472–1529) [3] и одноимённом докладе на 42-й конференции «Общество и государство в Китае» (ИВ РАН, 27.03.2012), а также в докладе на Российско-французском симпозиуме «Синология, японоведение и тибетология во Франции и России: история и перспективы» (ВШЭ, 17.04.2012) автор этих строк осветил сложные и драматичные перипетии проникновения в Россию сведений о личности и философии Ван Ян-мина, по политическим и идеологическим мотивам оценивавшегося крайне неоднозначно и противоречиво. В этих работах впервые было показано, что отношение к его учению в переломные моменты российской истории XX в. являлось оселком для определения специфики китайской философии в целом.

Для демонстрации всей остроты проблемы к ранее изложенному о первой в СССР официальной оценке Ван Ян-мина в 1936 г. в «Большой Советской Энциклопедии» (т. 32) как «крайнего субъективного идеалиста», популярного в «реакционных китайских кругах» и среди «буржуазной молодежи» [3, с. 367], стоит добавить практически синхронную (и совершенно противоположную по тону и духовной направленности) его характеристику, содержащуюся в написанной в августе 1935 г., но опубликованной лишь в 2003 г. статье академика В.М. Алексеева (1881–1951) «Китайская культура в деградации и революции» (исходное название «Пошлость и революция в Китае»): «Наиболее знаменитый из всех позднейших реформаторов конфуцианской системы, учивший необходимости познавать вещи, составляющие предмет текста и учения Конфуция и классических книг его

---

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-03-00338а.

канона, интуитивно-умозрительным, интроспективным путём. В Европе [его] ещё только начинают поверхностно изучать (вернее, сообщать неизвестные Европе данные о нём), но в самом Китае и Японии он ценится необычайно высоко» [1, кн. 2, с. 280, примеч. 12].

После десятилетий замалчивания и облыжного поношения этот выдающийся мыслитель и государственный деятель в настоящее время вызывает в КНР всё большее внимание к себе и пользуется всё большим почётом. Полное собрание сочинений Ван Ян-мина [8] выдержало там с 1992 по 2012 г. более десятка изданий в двух, трёх и шести томах, а на обложках новейших монографий о нём [11; 12; 13] отмечается его влияние на создателей современного Китая – Сунь Ят-сена (1866–1925), Чан Кай-ши (1887–1975) и Мао Цзэ-дуна (1893–1976), приводится популярное мнение, что он – второй после Конфуция «святомуудрый» (*шэн* 聖) китаец, и утверждение одного из крупнейших неоконфуцианцев нашего времени Ду Вэй-мина: «XXI век будет веком Ван Ян-мина».

Пионером его изучения в России обещал стать любимый ученик В.М. Алексеева Ю.К. Щуцкий (1897–1938), который ещё в 1920-е гг. пришёл к сходному с Ду Вэй-мином заключению, что учение Ван Ян-мина, отличающееся «волонтаризмом и чувством ответственности», есть «prolegomena философии, которая должна развиваться в настоящую эпоху, и не будет уже ни восточной, ни западной, а общечеловеческой» (цит. по [2, с. 75]). Однако планы замечательного китаиста не сбылись в силу обрушившихся на него незаконных репрессий (подробно см. нашу статью «Синие черти против тамплиеров» в ч. 2 настоящего издания), и намечавшаяся им монография о Ван Ян-мине не увидела свет.

В результате первые специальные исследования творчества китайского философа были начаты автором данной статьи по прошествии полувека после того, как этим озаботился Ю.К. Щуцкий. В предыдущей публикации [3, с. 374] было отмечено, что написавший эти строки первым перевёл на русский язык произведения Ван Ян-мина и, в частности, три его эссе из антологии образцовой литературы *Гу-вэнь гуань-чжи* («Шедевры прозы древнего стиля», 1695 г.) [7].

Однако по прошествии всего полугода вдруг неожиданно выяснилось, что В.М. Алексеев не только письменно засвидетельствовал намерение своего ученика написать монографию о Ван Ян-мине, значимость которого неизменно подчеркивал (см. также [1, кн. 1, с. 61, кн. 2, с. 260, 261]), но и сам перевёл три его образцовых эссе из *Гу-вэнь гуань-чжи*: «Надпись на храме в честь Сяна», «Надпись у Зала культа классиков-канонов» и «Обращение к похоронённым

путникам» [5, с. 33–44] (ср. названия в нашем переводе [7]). Таким образом, оказалось, что сделанному нами в 1977–1978 гг. и опубликованному через 35 лет в 2012 г. их переводу предшествовал десятилетиями пребывавший под спудом перевод В.М. Алексеева, чистовая рукопись которого помечена 22.7.42 (см. илл. 2), а выход в свет состоялся через 70 лет, в начале осени 2012 г. Выяснилось также, что ещё в 2003 г. эти эссе были отмечены зятем В.М. Алексеева Н.Г. Баньковским в «Списке переведённых В.М. Алексеевым произведений китайской литературы с указанием изданий, содержащих эти переводы» [1, кн. 2, с. 415].

В этой почти мистической истории поразительно и то, что И.А. Алимов, публикатор и ответственный редактор всего тома неизданных переводов В.М. Алексеева, в свою очередь ничего не знал о нашей публикации десятилетней давности. Уже на стадии вёрстки С.М. Аникеева, и.о. директора издательской фирмы «Восточная литература», опубликовавшей этот том в дополнение к двум предыдущим [4], на основе нашего сообщения, исправляя прискорбный недочёт в примечаниях И.А. Алимова, прибавила к ним фразу с пометой «Примеч. ред.»: «Все три представленных здесь произведения Ван Шоу-жэня переведены и опубликованы недавно А.И. Кобзевым» [5, с. 277]. При таком подходе к делу об учёте иноязычных переводов этих эссе (например, китайских – на современный язык [9, с. 562–572; 10, кн. 2, с. 661–678] и английского перевода второго из трёх эссе [14, с. 212–214]) вообще не приходится говорить.

Хотя во всех вводных статьях к указанным переводам В.М. Алексеева сообщается, что они были сделаны им в эвакуации в Боровом (Казахстан), где он находился в 1941–1944 гг. [4, кн. 1, с. 22; 5, с. 8], а на обложке рукописной тетради, содержащей эссе Ван Ян-мина, имеется его собственная датировка 15.7–6.8.42 (см. илл. 1), ныне есть все основания предполагать, что данную работу он осуществил значительно раньше. Во-первых, ознакомление с отличающейся минимумом исправлений рукописью В.М. Алексеева и стоящими на ней близкими друг другу датами заставляет оценить её как достаточно быстро составленный беловик с уже сделанных переводов, а не продукт первичной переводческой деятельности. Во-вторых, данное предположение подтверждает помещённая в приложениях к изданию 2012 г. статья Б.Л. Рифтина (1932–2012) «Когда была задумана антология шедевров китайской прозы», основанная на новонайденных в фондах Российской государственной библиотеки и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН письмах, которыми в апреле-августе 1914 г. В.М. Алексеев обменялся с известным издателем

М.В. Сабашниковым (1871–1943) по поводу публикации «Образцов китайской изящной прозы» – прототипа нынешнего трёхтомника 2006–2012 гг. [5, с. 239–249]. Это предприятие не состоялось в связи с началом Первой мировой войны, но поскольку В.М. Алексеев намеревался уже к сентябрю 1914 г. подготовить несколько печатных листов переводов [5, с. 244], можно предположить, что работа, завершённая им во время Второй мировой войны, была начата накануне Первой, т.е. так или иначе продолжалась четыре десятка лет.

Наряду со странной неинформированностью И.А. Алимова об уже имевшейся к 2012 г. десятилетней давности публикации на русском языке эссе Ван Ян-мина, вызывает удивление и отсутствие сверки набранного текста с рукописью В.М. Алексеева, о чём ярче всего свидетельствует завершающая эссе *И-люй вэнь* (у нас «Поминальное слово о захоронении путешественника, у В.М. Алексеева «Обращение к похоронённым путникам») песнь, в публикации которой отсутствуют две первые строки:

«Вершины одна за другою у самых краёв небес, – да, небес!
Летающая птица туда не проникнет» (см. илл. 3, строки 92–94),
в нашем переводе:

«Густой чредою горные вершины
Макушками упёрлись в небосвод –
И птицы ввысь стремящийся полёт
Не покорит величья исполинов» [7, с. 507],

хотя подобный пробел очевиден и без обращения к оригиналу, ибо следующая строка начинается противительным союзом «а», предполагающим противопоставление предыдущему:

«А путник бродячий тоскует в мечтах о родной стороне, да, стороне» [5, с. 43],

в нашем переводе:

«А те, кто в странствиях исчерпывают жизнь,
В душе лелеют образы отчизны» [7, с. 508].

Необъяснимо и произвольное расположение эссе в рассматриваемом издании: оно не соответствует ни последовательности в оригинале *Гу-вэнь гуань-чжи*, которую мы воспроизвели в 2002 г., ни противоположному ей порядку в рукописи В.М. Алексеева, ни хронологии их написания. Можно предположить, что тут сделана попытка следовать стоящим в рукописи перед заглавиями эссе числам, которые образуют ряд: 74, 75, 79 (последовательность рукописных текстов: 79, 74, 75; см. илл. 2, 4, 5). Однако это явно противоречит архитектонике всего издания, поскольку требует смешения произведений разных авторов (в данном случае вкрапления не принадлежащих Ван

Ян-мину номеров 76–78 между его 75 и 79), да и невозможно, поскольку сочинения под рядом стоящими номерами уже заняли свои места в других книгах (например, эссе Лю Цзи № 76 в [4, кн. 2, с. 295–296]). Кроме того, название одного из эссе «Надпись у Зала культа канонов» (см. илл. 5), правильно воспроизведённое в Списке Н.Г. Баньковского [1, т. 2, с. 415], без каких-либо объяснений зачем-то искажено невразумительным и тавтологичным добавлением «классиков»: «Надпись у Зала классиков-канонов» [5, с. 35].

Издатели и комментаторы трудов В.М. Алексеева справедливо отмечали чрезвычайно тяжелые условия, в которых ему приходилось работать, особенно в эвакуации, где не хватало не только справочников, но и простой писчей бумаги. Ошибки содержались даже в самих оригиналах, с которых он переводил [1, кн. 2, с. 412, примеч. *1], и, по заключению редактора А.О. Мадисона (1952–2009), «к печати тексты переводов академиком специально не готовились, отчего никакой „окончательной авторской воли“ ни один из них не отражает» [4, кн. 1, с. 10]. Поэтому публикатору и издателям следовало бы внимательнее отнестись к издаваемым текстам. В частности, «Надпись на храме в честь Сяна» (*Сян-цы цзи*, в нашем переводе «Запись о капище Сяна») начинается с сообщения о местоположении этого храма – в горах Лин (Духов) и Бо (Широкая) [9, с. 567, примеч. 1], которые у В.М. Алексеева слились в единые Линбоские горы [5, с. 33], а в «Обращении к похоронённым путникам» говорится об Угун-по 蜈蚣坡 (Сколопендровом склоне), в неточной транскрипции топонима В.М. Алексеевым – Усуновском взгорье [5, с. 41].

Там же сказано, что с тех пор, как Ван Ян-мин покинул родные места и оказался в ссылке, «[минуло] два года» или «[пошёл] третий год», а в переводе В.М. Алексеева – «три года уж прошло», что неправильно, поскольку философ отправился в ссылку в захолустный Лунчан (соврем. Сювэнь пров. Гуйчжоу) летом 1507 г. и прибыл туда весной 1508 г. [8, кн. 2, с. 1227–1228], а события в эссе датированы 18-м августа 1509 г. («третьим днем осеннего месяца четвёртого года [периода] Чжэн-дэ») [9, с. 569, 571; 10, кн. 2, с. 675]. В антологии *Гу-вэнь гуань-чжи* разбираемый срок описан биномом *сань нянь* [9, с. 570; 10, кн. 2, с. 676], имеющим оба смысла: «третий год» и «три года», но, помимо внетекстовых реалий, возможно, неизвестных В.М. Алексееву, нашу трактовку подтверждает оригинал эссе, входящий в полное собрание сочинений Ван Ян-мина, где вместо числа «три» стоит «два» – *эр нянь* [8, кн. 1, с. 952], что допускает и прочтение «второй год» (с прибытия в Лунчан), но совершенно исключает «прошествие трёх лет». Замена в антологии, составленной

при следующей династии Цин в 1695 г., иероглифа *эр* («два») на *сань* («три»), видимо, связана с тем, что на историческом удалении почти в два века произошло слияние 1507 г., когда Ван Ян-мин покинул родные места, и 1506, когда он получил приговор о ссылке в Лунчан. Данная замена оказалась столь сильнодействующей, что даже в совсем недавнем переводе эссе из полного собрания сочинений Ван Ян-мина на современный китайский язык с параллельным воспроизведением оригинала «два» переведены как «три» [13, с. 114]. Единственным компромиссом в этой текстологической коллизии может быть допустимое *вэнь-янем* истолкование *сань* как порядкового числительного, а *эр* – как количественного с соответствующими прочтениями: «третий год» и «два года».

Само собой разумеется, что обращение к нашим и другим уже изданным переводам, подробно прокомментированным и основанным на недоступных В.М. Алексею оригиналах и справочниках, позволило бы публикатору и издателям не только исправить досадные неточности в его переводах, но и освободить их от ещё более неточных чужих примечаний. Так, вопреки указанным в предыдущем абзаце фактам и самому тексту эссе, И.А. Алимов утверждает, что «Ван Шоу-жэнь добрался до Лунчана лишь в 1509 г.» [5, с. 279]. В «Надписи у Зала культа классиков-канонов» (*Цзи-шань шу-юань цзунь-цзин-гэ цзи*, в нашем переводе полное заглавие – «Запись о посвящённом канонам зале библиотеки у горы [Гуй]цзи») упомянут учёный-яминист Нань Да-цзи (1487–1541), жизнь которого И.А. Алимов ограничил лишь XVI веком, т.е. 13-ю годами [5, с. 279].

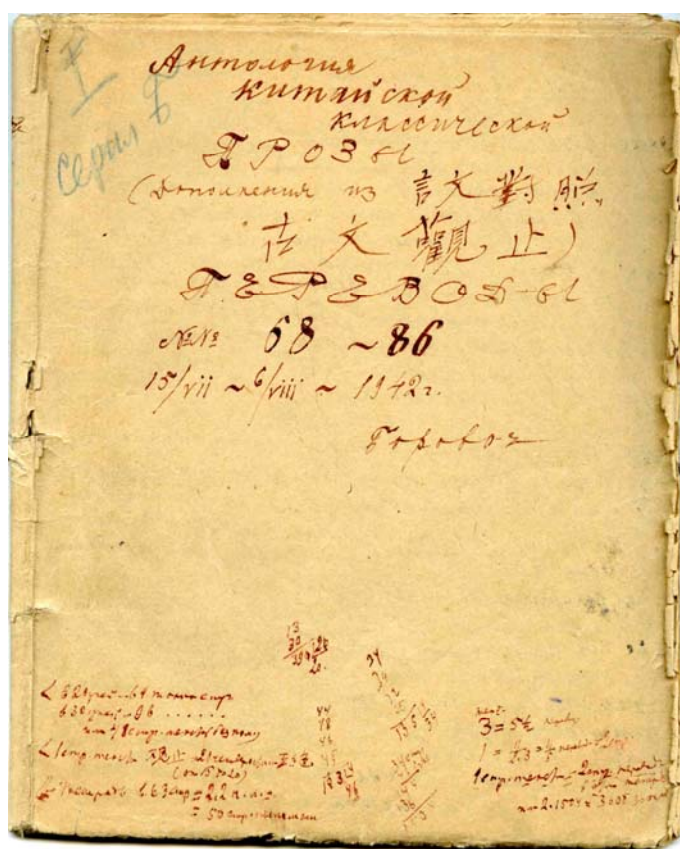
Среди странных примечаний И.А. Алимова, доходящих до прямой противоположности истине и здравому смыслу, например, следующее об *И цзине* («Каноне перемен»): «Ю.К. Щуцкий, великий китаевед и переводчик „И цзина“ на русский язык, характеризовал этот уникальный памятник и как гадательный текст, и как философский трактат, и как собрание поговорок, и как политическую энциклопедию, и даже как „фаллическую космогонию“» [5, с. 265]. Во-первых, трудно и почти невозможно соединить с образом «великого китаевода» приписывание какому-либо памятнику, хотя бы и такому «уникальному», как *И цзин*, совокупность столь пёстрых и противоречивых определений. Во-вторых, обращение к первоисточнику, т.е. к не указанной и, видимо, невнимательно читанной, несмотря на выказанный пиетет, книге Ю.К. Щуцкого «Китайская классическая „Книга перемен“» показывает, что данные определения в ней приведены как принадлежащие не автору, а целому ряду предыдущих исследователей и нелестно им критикуются, в особенности

последнее, названное «безосновательным» и «безумным» [6, с. 94, 95, 112].

В целом же стоит ещё раз подивиться дьявольской «несгораемости рукописей», позволившей установить замечательный факт, что первый русский перевод произведений Ван Ян-мина был сделан В.М. Алексеевым и на несколько десятилетий раньше, чем представлялось до недавнего времени, а также выразить желание увидеть прекрасные переводы классика отечественной китаистики в достойном их более качественном воспроизведении.

Иллюстрации

Обложка и страницы рукописи переводов В.М. Алексеева 1942 г.

Илл. 1. Обложка с датировкой 15.7–6.8.42

29 в прошлые столетия и людей, и их нравов. — Я как-то
 30 раз встретил в Верхней Каме Буду-ман; Близ него
 31 со мной в безбрежности водных пространств Пань-Вэ-эр, на
 32 призыве с нас Тань-Тань исполнились зорки; на то, что
 33 мы им воздаем в свое время Мэй-Го, Юй-Уинь, на
 34 них, зная что там Транов Кунь-юй, Ю-Уинь, на
 35 них, над теми тех Транов Кунь-юй, Ю-Уинь,
 36 Уинь-Мэй; — всё, всё теперь пошло по разному, а
 37 с кит и левантий, ну, что в них, Тань-Тань.
 38 Будет так. Но, вот, возвращение Вэнь-Юй, который,
 39 с помощью воспользоваться Кунь-юй, и Кунь-юй,
 40 Кунь-юй Кунь-юй, и Кунь-юй Кунь-юй,
 41 Кунь-юй Кунь-юй, с Кунь-юй Кунь-юй,
 42 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 43 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 44 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 45 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 46 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 47 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 48 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 49 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 50 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 51 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 52 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 53 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 54 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй,
 55 Кунь-юй Кунь-юй, Кунь-юй Кунь-юй.

1 7.9 Обращение к покоренным путникам. 22.7.42
 2 Слушайте это всё в Камбоджийском государстве с
 3 друзьями, Маврикийскими Странами, когда на третий
 4 день в осетинском лесу какой-то маленький птица
 5 как говорит, слова на русском языке. Фамилия и имя
 6 его не знаю. При ней был сам, случай английский

Илл. 2. Страница с началом переводов эссе Ван Шоу-жэня и датой 22.7.42 г.

1 74 Надпись на храме в честь Сяна
 2 В Ладский храм есть храм в честь Претива Сяна
 3 Вадары мед, именуется близ яны гар, с титом ж ео
 4 Светлым, рожденным отцом его именем Претива
 5 из Свалы-то-а, вписана красная книга мед, все зданья
 6 и сии рожки и титры, красна медь ни соимити, ни
 7 и ни пугити. - А сиречь: "Слово твое, титры, и"
 8 ни - востановити!" - Виталии Вад; Виталии Вад; -
 9 Виталии Вад; - А воти дитом, - в оном иже Вад; -
 10 Купити оного, похвалу, здесь никак не можеть звать.
 11 Но иже, похвалу маю и; которые здесь обидели и
 12 мои ома, и вед маю, ира прарадет, и дитоме титры, не
 13 иже его здесь соимити, ижеи мождет, оидеи, ижеи
 14 и, воти, воти воти рож, ижеи ниже не с. а. с. -
 15 А воти: "Как оно так? Воти, воти Купити в Убоге дит
 16 ураждет, ижеи титры... И похвалу Сяна титры, вед,
 17 ижеи титры. Как сие, иа был сие ижеи титры, ижеи титры;
 18 иже ижеи титры, иа был залость, ижеи... и в рожки -
 19 ижеи титры титры, и в дит, ижеи титры, иа дитом и
 20 сидеть. Воти ижеи титры в титры, и похвалу, и дитом,
 21 иа титры, воти, ижеи титры. Как оно так?... и, титры,
 22 ижеи титры. Воти, титры, ижеи титры, ижеи титры в рожки
 23 ижеи титры. Воти, титры, ижеи титры, ижеи титры...
 24 Убого ижеи титры титры, ижеи титры, ижеи титры
 25 ижеи титры. А, сиеи титры, ижеи титры, ижеи титры -
 26 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 27 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 28 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 29 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 30 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 31 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 32 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 33 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 34 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи
 35 ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи титры, ижеи

Илл. 4. Страница с заглавием «Надпись на храме в честь Сяна»

Литература

1. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. / Сост. *М.В. Баньковская*. М., 2003.
2. *Елесин Д.В.* К биографии Ю.К. Щуцкого (1897–1938) // 25-я НК ОГК. М., 1994, с. 72–77.
3. *Кобзев А.И.* Изучение Ван Янмина в России и специфика китайской философии // 42-я НК ОГК. Т. XLII, ч. 1, с. 366–379.
4. Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В.М. Алексеева: в 2 кн. М., 2006.
5. Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В.М. Алексеева: неизданное. М., 2012.
6. *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен» / Сост. *А.И. Кобзев*. М., 1993, переизд. 1997, 2003.
7. Эссе Ван Янмина, вошедшие в антологию образцовой литературы «Шедевры прозы древнего стиля» («Гу вэнь гуань чжи», 1695 г.): Запись о посвящённом канонам зале библиотеки у горы [Гуй]цзи [1525 г.]; Запись о капище Сяна [1508 г.]; Поминальное слово о захоронении путешественника [1509 г.] / Пер. *А.И. Кобзева* // *Кобзев А.И.* Философия китайского неоконфуцианства. М., 2002, с. 500–508.
8. *Ван Шоу-жэнь*. Ван Ян-мин цюань-цзи (Полное собрание сочинений Ван Ян-мина) / Ред. *У Гуан* и др. Кн. 1, 2. Шанхай, 1997.
9. Гу-вэнь гуань-чжи (Шедевры прозы древнего стиля) / Сост. *У Чу-цай*, *У Дяо-хоу*. Тайбэй, 1970.
10. Гу-вэнь гуань-чжи (Шедевры прозы древнего стиля) / Сост. *У Чу-цай*, *У Дяо-хоу*; ред., коммент. и пер. *У Чжао*. Кн. 1, 2. Пекин, 1999.
11. *У-мань Лань-цзян* 雾满拦江. Шэнь-ци шэн-жэнь Ван Ян-мин (Чудесный святомудрый человек Ван Ян-мин). Чанша, 2012.
12. *Хэ Лань-шань* 鹤阑珊. И-шэн фу-шоу бай Ян-мин (Всю жизнь склонять голову перед [Ван] Ян-мином). Пекин, 2011.
13. *Чжао-цзя Сань-лан* 赵家三郎. Вэй-синь ю-у Ван Ян-мин чжэн-чжуань (Только сердце обладает вещами: правильная биография Ван Ян-мина). Нанкин, 2012.
14. *Ching J.* To Acquire Wisdom: The Way of Wang Yang-ming. N.Y., L., 1976.